

УДК 811.511:142

DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-1-143-149

Обско-угорские глаголы с превербами деструктивной семантики

В. Н. Соловар

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
solovarv@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматривается семантика и синтаксическая сочетаемость хантыйских и мансийских глаголов разных лексико-семантических групп: действия, состояния, движения, перемещения – с превербами *рава* / *шўка* / *пўлиг*; *щих*. В казымском диалекте хантыйского и сосвинском диалекте мансийского языков выявлен максимально полный список глаголов, сочетающихся с данными превербами. Описано изменение системы валентности глаголов при сочетании с данными превербами, а также модификация семантики глаголов при сохранении системы валентностей.

Цель: охарактеризовать закономерности перехода глаголов из одной лексико-семантической группы в другую при сочетании с превербами деструктивной семантики и сопоставить их с подобными единицами мансийского языка.

Материалы исследования: глаголы с превербальными единицами *рава* / *шўка* / *пўлиг*; *щих* казымского диалекта хантыйского и сосвинского диалекта мансийского языков, собранные автором у информантов и извлечённые из словарей хантыйского и мансийского языков.

Результаты и научная новизна. Впервые выявлен максимально полный список глаголов разных лексико-семантических групп, сочетающихся с превербами *рава* / *шўка* / *пўлиг*; *щих*, которые в основном присоединяются к глаголам действия, движения, перемещения и состояния. В результате присоединения преверба количество валентностей производных глаголов может либо сохраняться, либо уменьшаться. Глаголы лексико-семантических групп движения и перемещения теряют локативную валентность; валентность глаголов действия сохраняется. Состав семантической группы глаголов изменяется за счёт синтаксической сочетаемости глагола с разными типами субъектов и объектов (одушевлённых, неодушевлённых). Результаты исследования могут быть использованы для составления словарей, при сопоставлении родственных и разнотипных языков, а также для написания научной грамматики хантыйского языка.

Ключевые слова: преверб, обско-угорские языки, валентность, лексико-семантическая группа, глаголы действия, глаголы состояния, глаголы деструкции

Благодарность: Автор выражает сердечную благодарность всем своим информантам за готовность поделиться своими знаниями.

Для цитирования: Соловар В. Н. Обско-угорские глаголы с превербами деструктивной семантики // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 1 (52). С. 143–149.

Ob-Ugric verbs with the preverbs of destructive semantics

V. N. Solovar

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
solovarv@rambler.ru*

ABSTRACT

Introduction: for the first time, the semantics and syntactic compatibility of Khanty and Mansi verbs of different lexical-semantic groups of action, state, movement and displacement with the preverbs *rawa* / *šūka* / *pŷlig*; *śix* are considered. The most complete list of verbs combined with these preverbs in the Kazym dialect of Khanty and the Sosva dialect of the Mansi language has been revealed. The article describes a change in the valence system of verbs when combined with these preverbs, as well as a modification of the semantics of verbs while maintaining the valence system.

Objective: to characterize the regularities of the transition of verbs from one lexical-semantic group to another in combination with the preverbs of destructive semantics in the Khanty language; to compare them with similar units of the Mansi language.

Research materials: verbs with the preverbal units *rawa* / *šūka* / *pŷlig*; *śix* of the Kazym dialect of the Khanty and Sosva dialect of the Mansi languages collected by the author from informants and extracted from the dictionaries of the Khanty and Mansi languages.

Results and novelty of the research: for the first time, the most complete list of verbs of different lexical-semantic groups combined with the preverbs *rawa* / *šūka* / *pŷlig*; *śix*, which are mainly attached to the verbs of action, movement, displacement and state, has been identified. As a result of the addition of a preverb, the number of valences of derived verbs can either be preserved or reduced. The verbs of lexical-semantic groups of movement and displacement lose their locative valence; the valence of action verbs is preserved. The composition of the semantic group of verbs changes due to the

syntactic compatibility of a verb with different types of subjects and objects (animate, inanimate). The results of the study can be used to compile dictionaries, to compare unrelated and different-structured languages, as well as to write a scientific grammar of the Khanty language.

Key words: preverb, Ob-Ugric languages, valence, lexical-semantic group, action verbs, state verbs, destruction verbs

Acknowledgments: the author expresses the heartfelt gratitude to all the informants for their willingness to share their knowledge.

For citation: Solovar V. N. Ob-Ugric verbs with the preverbs of destructive semantics // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2023; 13 (1/52): 143–149.

Введение

Описываемые превербы *рава* / *шўка*; *щих* имеются в трёх западных диалектах хантыйского языка: казымском, шурышкарском, приуральском. В мансийском языке превербам *рава* / *шўка* соответствует *пўлиг* ‘вдребезги’. Исследуемые превербальные единицы присоединяются к глаголам разных лексико-семантических групп (ЛСГ): перемещения, действия, состояния и движения.

Глагольный преверб – служебная часть речи, отмечающая позицию предмета в пространстве, принимающая участие в словообразовании и изменении аспектуальных свойств глагола, модифицирующая семантику глагола в зависимости от синтаксической сочетаемости [15].

Глагольная семантика обско-угорских языков в сочетании с превербальными единицами почти не изучена. Понятно, что семантика глагола диктует количество его валентностей, т. е. число актантов, образующих модель элементарного простого предложения. Тип модели определяется свойствами глагольной основы, наличием / отсутствием превербальных единиц и определённых суффиксов.

Основательно исследованы превербальные единицы мадьярского языка, которые также относятся к служебным словам, выражающим, главным образом, пространственные значения [21; 22]. Анализируемым единицам в хантыйском и мансийском языках посвящён ряд статей [2; 13; 14; 15; 23; 24; 28]. А. Н. Закирова и Н. А. Муравьев провели исследование превербов *нух* и *йухи* в западных диалектах [4]. Е. В. Кашкиным введён ряд глаголов с превербальной единицей *пелки* [5]. Н. Б. Кошкарёва описала семантические особенности бытийно-пространственных предложений, какие закономерности изменения превербов влияют на актуальное членение высказывания [6].

Списки превербов хантыйского языка, представляемые разными авторами, отличаются по количеству. «Диалектологический и этимологический словарь хантыйского языка» имеет свой список глаголов с приставками [3]. В исследо-

вании В. Штейница перечислено 13 глагольных приставок [27], в списке И. А. Николаевой встречается несколько превербов из приуральского диалекта [25]. Небольшая группа глаголов с превербальными единицами описаны в статьях по хантыйскому и мансийскому языкам [9; 10; 16; 17; 19; 20; 26].

Превербы *рава* / *шўка* / *пўлиг*; *щих* присоединяются к глаголам разных ЛСГ: перемещения, движения, действия, состояния – и обозначают разделение предмета на мелкие части и полное разрушение субъекта или объекта действия и изменение его состояния. Глаголы казымского диалекта, присоединяющие превербы *рава* / *шўка*; *щих*, функционируют и без преверба.

Объединяясь с превербальными единицами, различные глаголы создают непохожие системы валентностей. В публикации рассматривается семантика, система валентностей и синтаксическая сочетаемость глаголов с превербами *рава* / *шўка* / *пўлиг*; *щих*, выясняются особенности перехода глагола из одного лексико-семантического класса в другой при соединении с превербальными единицами, осуществляется сопоставление описываемых результатов в хантыйском и мансийском языках.

Наблюдение ведётся за глаголами как семантическими предикатами, которые репрезентируют типовые ситуации. Как отмечает М. И. Черемисина, модель управления отображает ролевую структуру глагола – его возможность иметь конкретное количество актантов в нужной грамматической форме, она складывается на основе множества употреблений отдельного глагола как предельно исчерпывающий перечень его лексикографически значимых ролей [18]. В трудах М. И. Черемисиной [18] и Н. Б. Кошкарёвой [7; 8] изложены критерии описания основной единицы синтаксиса, выделены дифференциальные признаки, системные связи между единицами в элементарном простом предложении (ЭПП).

Материалы и методы

Материалом исследования послужили полевые материалы автора, собранные в разные годы

в местах проживания казымских хантов, а также примеры с провербами *рава / шўка; щих*, изъятые из хантыйских текстов, словарей и полученные от информантов [13]; глаголы сосвинского диалекта мансийского языка с провербом *пўлиг* [11; 12].

При анализе материала использованы методы: наблюдение, сравнительно-сопоставительный, описательный, моделирование, компонентный анализ, опросы информантов, анкетирование.

Результаты

Формированию деструктивной семантики глаголов разных ЛСГ: действия, состояния, движения, перемещения хантыйского и мансийского языков способствует их сочетаемость с провербами *рава / шўка / пўлиг; щих*. Причем начало разрушения объекта фиксируется глаголами давления на объект, в конце цепочки ЛСГ группы глаголов разрушения предстают глаголы полного физического разрушения субъекта или объекта.

Наблюдаемые провербы *рава / шўка; щих* встречаются во всех западных диалектах хантыйского языка. Проверб мансийском языке *пўлиг* 'вдребезги' соответствует аналогичным провербам хантыйского языка *рава / шўка*.

Присутствие у глаголов провербальных единиц *рава / шўка / пўлиг* подтверждает, что объект подвергается разрушению, размельчению. Так провербы *рава / шўка / пўлиг*, объединяясь с глаголами, формируют ЛСВ (лексико-семантический вариант) двух моделей – акциональной и состояния. В казымском диалекте глагольные провербы *рава / шўка* сочетаются с глаголами действия. Все глаголы этого диалекта с изучаемыми провербами могут употребляться и без провербов.

Проверб *рава* происходит от имени *рав* 'мелкий' и присоединяет суффикс дательно-направительного падежа. Провербальная единица *рава* присоединяется к глаголам деструкции: *мўнишэты, сёукты, шўкатты* и показывает, что объекты разрываются или разбиваются на мелкие части: *рава мўнишэты, рава сёукты, рава шўкатты*, например: *мўнишэты* 'рвать' – *рава мўнишэты* 'разорвать', *сёукты* 'бить' – *рава сёукты* 'разбить (на мелкие части)', *шўкатты* 'ломать, разбить' – *рава шўкатты* 'разбить на мелкие части', *шўкалэты* 'ломаться, разбиться' – *рава шўкалэты* 'разбиться на мелкие части'. Приведём примеры: *Йернасем рава мўнишэсэ* 'Он разорвал платье на кусочки'; *Пухеман йицэп анэм рава сёукса* 'Сын разбил мою новую чашку

на мелкие кусочки'; *Сухта пўтем рава шўкатса* 'Мой глиняный кувшин разбили на мелкие кусочки'; *Саккары анаэ рава шўкалэс* 'Сахарница разбилась' [ПМА].

Проверб *шўка* происходит от имени *шўк* 'крошка, кусочек', употребляется в дательно-направительном падеже. Он обозначает деление объекта на мелкие части посредством разрыва, деления или давления на предмет. Провербальная единица *шўка* модифицирует семантику глаголов: *каз. мўнишэты* 'рвать' – *шўка мўнишэты* 'разорвать на мелкие части'; *норэты* 'давить' – *шўка норэты* 'раздавить'; *нулты* 'давить' – *шўка нулты* 'раздавить в кашу'; *пэрэты* 'топтать' – *шўка пэрэты* 'растоптать на мелкие крошки'; *пэнэты* 'мять' – *шўка пэнэты* 'размять на мелкие частицы'; *эвэты* 'резать' – *шўка эвэты* 'разрезать на мелкие части', *тохты* 'рваться' – *шўка тохты* 'разорваться на мелкие части', *тўнэты* 'давить' – *шўка тўнэты* 'раздавить (в руке)', например: *Пухем йернасел мўнишэс* 'Сын порвал рубаху' – *Щи имэн йернасел шўка мўнишэсэ* 'Эта женщина порвала своё платье на мелкие кусочки' [13]; *Ма хўлем эвэлэм* 'Я режу рыбу' – *Хўлэн шўка эвтэ* 'Разрежь рыбу на мелкие кусочки'; *Ащем вёньцэмутэлэ нулмэлэ* 'Отец раздавил ягоды' – *Лўв хўлэлэ шўка нулсэлэ* 'Он рыбу раздавил (на крошки)'; *Сопэкэм тохэс* 'Сапог мой порвался' – *Хушапэм шўка тохэс* 'Шкатулка сломалась на мелкие части' [ПМА].

При модификации лексического значения глаголов действия их валентные свойства не изменяются. Провербы *рава / шўка* в мансийском языке имеют аналог – проверб *пўлиг*. А. Н. Баландин и М. П. Вахрушева на материале кондинского диалекта мансийского языка [1] выявили 11 глаголов с провербом *пўлиг*, например: *пўлиг-ман-лўйтэуке* 'разорвать', *пўлиг-консуке* 'исцарапать', *пўлиг-тавритауке* 'раздробить' с общим значением – измельчение и повреждение предмета, *пўлиг-някуке* 'измять', *пўлиг-товтуке* 'разжевать', *пўлиг-хилуке* 'изрыть'. Проверб *пўлиг* 'вдребезги, на мелкие части' присоединяется, в основном, к глаголам разрушительного действия, например: *маньгтауке* 'разорвать' – *пўлиг-маньгтауке* 'разорвать на мелкие части', *консуке* 'исцарапать' – *пўлиг-консуке* 'покрыть царапинами', *санруке* 'рубить' – *пўлиг-санруке* 'изрубить', *сакватауке* 'ломать, рушить' – *пўлиг-сакватауке* 'разрушить, разломать', *тавритауке* 'дробить' – *пўлиг-тавритауке* 'раздробить', *саквалауке* 'сломаться' – *пўлиг-саквалауке* 'сломаться вдребезги'.

Приведём примеры: *Ты тѳр нѳлиг-маныг-тѳлын* ‘Эту ткань разорви на части’; *Супын ман-рыг тох нѳлиг-нѳкыслын?* ‘Почему ты платье своё так измяла?’; *Вильтын нѳлиг-консылын* ‘Ты лицо исцарапал’; *Пѳс кол нѳлиг-сакватыма* ‘Старый дом, оказывается, разобрали’; *Нѳнѳ лѳмт нѳлиг-таврѳтѳлын* ‘Накроши кусок хлеба’; *Пилыт нѳлиг-таурѳн* ‘Помни ягоды’; *Нѳврам мѳгыс нѳнѳ лѳмт нѳлиг-тѳвтѳлын* ‘Разжуй кусок хлеба для ребёнка’; *Кол похат ѳлнѳ тѳпканув хоттимат хѳрахсин нѳлиг-ѳнгима* ‘Наш огород около дома какой-то жулик весь вытоптал’ [ПМА].

Хантыйский преверб *цих* обозначает деструктивное изменение состояния субъекта или объекта вплоть до смерти. Преверб *цих* присоединяется к ЛСГ глаголов действия, движения, перемещения, состояния: *нѳорѳтты* ‘давить’ – *цих нѳорѳтты* ‘задавить’, *цих нѳцѳртты* ‘раздавить’, *цих мѳнты* ‘потерять сознание’, *ѳовѳлмѳты* ‘ударить с размаху’ – *цих ѳовѳлмѳты* ‘ударить с размаху (насмерть)’, *нѳцѳртты* ‘сдавливать, выдавливать’, *кѳриты* ‘упасть’ – *цих кѳриты* ‘потерять сознание, упасть в обморок, например: *Ин икѳл иса цих ци нѳорѳтсѳл* ‘Этого мужчину совсем они задавили’ [13]; *Ин утѳл цих ци нѳтмѳсѳлѳ* ‘Он этого избил до смерти’; *Ин ѳох цих вѳѳм-сѳѳт* ‘Эти люди уснули крепким сном’; *Щи икѳн мѳшѳнайѳн цих нѳцѳртса* ‘Этого мужчину машина задавила’; *Лѳв кѳлѳлѳн цих перѳтѳа* ‘Его задушили верѳвкой’; *Пирѳц ики цих мѳнѳс* ‘Старик потерял сознание’ [ПМА].

Двухвалентные глаголы действия не меняют ЛСГ и валентность. Глаголы движения теряют две валентности и переходят в ЛСГ состояния. Четырехвалентные глаголы перемещения переходят в ЛСГ действия и становятся двухвалентными. Глаголы состояния остаются одновалентными и не меняют семантику.

Семантика конструкций с превербами *рава* / *шѳка* / *нѳлиг*; *цих* обусловлена сочетаемостью данных превербов с глаголами конкретных ЛСГ: при акциональных глаголах наблюдается полное завершение действия; при бытийно-пространственных глаголах преверб *цих* отмечает состояние субъекта или акциональное действие.

Итак, основной семантикой превербов *рава* / *шѳка* / *нѳлиг* является расщепление объекта на мелкие части, основное значение преверба *цих* – физическое разрушение объекта или субъекта.

Если преверб присоединяется к двухвалентным акциональным глаголам, имеющим субъект и объект, количество валентностей не меняется.

Присоединение преверба уменьшает число

валентностей глаголов движения и перемещения, трансформируется синтаксическая модель: превербальная единица репрезентирует валентность «совсем / насмерть», которая собственной позицией в конструкции не выражена, но включена в семантику преверба.

Глаголы движения, имеющие три валентности, объединяясь с превербальными единицами, удерживают лишь одну субъектную валентность.

Если преверб присоединяется к четырехвалентным глаголам перемещения, число валентностей уменьшается, остаётся только две, меняется тип пропозиции.

Превербы *рава* / *шѳка* / *нѳлиг* способствуют формированию двух основных значений: действия и состояния.

Обсуждение и заключение

Присутствие превербов *рава* / *шѳка* / *нѳлиг*; *цих* при глаголах с акциональной семантикой указывает, что объекты подвергаются интенсивному разрушению. При акциональных глаголах преверб *цих* обозначает завершѳнность действия, полную оконченность действия или абсолютное изменение состояния (вернуться к предыдущему состоянию нереально, оно меняется полностью и необратимо); при статальных глаголах – интенсивность изменения состояния.

Как видим, спецификой обско-угорских языков оказывается развитие аспектуальных вариантов акциональных моделей при помощи превербальных единиц. Таким образом, превербы *рава* / *шѳка* / *нѳлиг* в хантыйском и мансийском языках создают две модели: 1) акциональная модель элементарного простого предложения (модель деструкции объекта) и 2) модель состояния (самопроизвольного разрушения). Преверб *цих* формирует одну акциональную модель и две модели состояния.

Видоизменение предиката нацелено на один из компонентов предложения: для акциональных моделей – на объект, для моделей состояния – на субъект. Глаголы, сочетающиеся с превербами *рава* / *шѳка* / *нѳлиг*, не изменяют систему валентностей.

Превербы не только модифицируют лексическое значение глагола; глаголы приобретают общее значение деструкции и часть глаголов переводят в другой класс (из бытийно-пространственного в акциональный или состояния).

В обско-угорских языках значимых различий при формировании семантики глаголов с изучаемыми превербальными единицами не обнаружено.

Список источников и литературы

1. Баландин А. Н., Вахрушева М. П. Мансийско-русский словарь. Л.: Лен. отд. Учпедгиза, 1958. 227 с.
2. Варда В. Е. Превербь в восточных диалектах хантыйского языка // Вестник ТГПУ. 2016. № 2. С. 43–49.
3. Дialeктологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалекты) / С. И. Вальгамова, Н. Б. Кошкарёва, С. В. Онина, А. А. Шиянова. Екатеринбург: Баско, 2011. 208 с.
4. Закирова А. Н., Муравьёв Н. А. Превербь *põx* и *jõxi* в западных диалектах хантыйского языка: аспектуальный и дискурсивный анализ // Урало-алтайские исследования. 2019. № 4 (35). С. 53–70.
5. Кашкин Е. В. Глаголы с семантикой закрывания и открывания в западных говорах хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 4 (18). С. 16–28.
6. Кошкарёва Н. Б. Бытийно-пространственные типовые синтаксические структуры и их семантика в хантыйском и ненецком языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 9. С. 53–65.
7. Кошкарёва Н. Б. Коммуникативная парадигма хантыйского предложения // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: СО РАН, 2002. Вып. 12. С. 29–44.
8. Кошкарёва Н. Б. Пропозиция и модель // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 4. С. 70–80.
9. Молданова И. М. Акциональные суффиксы межкатегориального словообразования в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 216–227.
10. Нахрачёва Г. Л. Глаголы болевых ощущений в обско-угорских языках: семантика и механизмы семантической деривации // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 681–691.
11. Ромбандеева Е. И., Кузакова Е. А. Мансийско-русский и русско-мансийский словарь. Ленинград: Просвещение, 1982. 360 с.
12. Сайнахова А. И., Игушев Е. А. Деривационные форманты мансийского языка. Ханты-Мансийск: Юграфика, 2012. 249 с.
13. Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. 689 с.
14. Соловар В. Н. Структурно-семантические особенности обско-угорских глаголов с превербамь йәха / ньула / акван // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 1. С. 104–112.
15. Соловар В. Н. Структурно-семантические особенности обско-угорских глаголов с превербамь йухи / йохы / йәңә / юв // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 2. С. 309–318.
16. Федоркив Л. А. Функционально-семантическая характеристика неопределённого местоимения мулты в хантыйском языке // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 3. С. 499–509.
17. Федоркив Л. А. Функционально-семантическая характеристика местоимения нэмалты / нэмалты в хантыйском языке // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 707–719.
18. Черемисина М. И. О системности в сфере моделей предложения // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: НГУ, 1995. Вып. 1. С. 3–21.
19. Шиянова А. А. Семантика прилагательных хантыйского языка, характеризующих звук // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 3. С. 555–563.
20. Шиянова А. А. Прилагательные, характеризующие водное и околосводное пространство в хантыйском языке // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 4. С. 700–707.
21. Honti L. Das Alter und die Entstehungsweise der “Verbalpräfixe” in uralischen Sprachen (Unter besonderen Berücksichtigung des Ungarischen). Teil 1 // Linguistica Uralica. 1999. Vol. 35. № 2. Pp. 81–97.
22. Honti L. Das Alter und die Entstehungsweise der “Verbalpräfixe” in uralischen Sprachen (Unter besonderen Berücksichtigung des Ungarischen). Teil 2 // Linguistica Uralica. 1999. Vol. 35. № 3. Pp. 161–176.
23. Kiefer F. Verbal prefixation in the Ugric languages from a typological-areal perspective // Eliasson S., Jahr E.H. (eds.). Language and its Ecology: Essays in Memory of Einar Haugen. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. Pp. 323–341.
24. Kiefer F., Honti L. Verbal prefixation in the Uralic languages // Acta Linguistica Hungarica. 2003. Vol. 50, 1–2. Pp. 137–153.
25. Nikolaeva I. A. Ostyak. München; Newcastle: Lincom Europa, 1999. 110 p.
26. Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin: [w/p], 1966–1991. 2019 p.
27. Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Berlin: Akademie-Verlag, 1980. Band IV. Pp. 497.
28. Virtanen S. Grammaticalized preverbs of aspect and their contribution to expressing transitivity in Eastern Mansi // Nyelvtudományi Közlemények. 2014. Vol. 109. Pp. 109–122.

References

1. Balandin A. N., Vakhrusheva M. P. *Mansijsko-russkij slovar'* [Mansi-Russian dictionary]. Leningrad: Leningradskoe otdelenie Uchpedgiza Publ., 1958. 227 p. (In Russian)
2. Varda V. E. *Preverby v vostochnyh dialektah hantyjskogo yazyka* [Preverbs in the Eastern dialects of the Khanty language]. *Vestnik TGPU* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University], 2016, no. 2, pp. 43–49. (In Russian)
3. Valgamova S. I., Koshkareva N. B., Onina S. V., Shiyanova A. A. *Dialektologicheskij slovar' hantyjskogo yazyka (shuryshkarskij i priural'skij dialekty)* [Dialectological dictionary of the Khanty language (Shuryshkar and Ural dialects)]. Yekaterinburg: Basko Publ., 2011. 208 p. (In Russian)

4. Zakirova A. N., Muravyov N. A. *Preverby nõx i jõxi v zapadnyh dialektah hantyyskogo yazyka: aspektual'nyj i diskursivnyj analiz* [Preverbs nõx and jõxi in the Western dialects of the Khanty language: aspectual and discursive analysis]. *Uralo-altayskie issledovaniya* [Ural-Altai Studies], 2019, no. 4, pp. 53–70. (In Russian)
5. Kashkin E. V. *Glagoly s semantikoy zakryvaniya i otkryvaniya v zapadnyh govorah hantyyskogo yazyka* [Verbs with the semantics of opening and closing in the Western dialects of the Khanty language]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research], 2017, no. 4 (18), pp. 16–28. (In Russian)
6. Koshkareva N. B. *Bytijno-prostranstvennye tipovye sintaksicheskie struktury i ih semantika v hantyjskom i neneckom jazykah* [Existential and spatial typical syntactic structures and their semantics in the Khanty and Nenets languages]. *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologija* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2018, no. 17 (9), pp. 53–65. (In Russian)
7. Koshkareva N. B. *Kommunikativnaja paradigma hantyjskogo predlozhenija* [Communicative paradigm of the Khanty suggestions]. *Jazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2002. Vol. 12. pp. 29–44. (In Russian)
8. Koshkareva N. B. *Propozicija i model'* [Proposition and a model]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2004, no. 4, pp. 70–80. (In Russian)
9. Moldanova I. M. *Aktsional'nye suffiksy mezhkategorial'nogo slovoobrazovaniya v khantyyskom yazyke (na materiale kazymskogo dialekta)* [Actional suffixes of inter-categorical word formation in the Khanty language (based on the material of the Kazym dialect)]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Philological Journal], 2018, no. 4, pp. 216–227. (In Russian)
10. Nakhacheva G. L. *Glagoly bolevykh oshchushchenij v obsko-ugorskih jazykah: semantika i mehanizmy semanticheskoy derivatsii* [Verbs of pain in the Ob-Ugric languages: semantics and mechanisms of semantic derivation]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (4), pp. 681–691. (In Russian)
11. Rombandeeva E. I., Kuzakova E. A. *Mansiysko-russkij i russko-mansijskij slovar'* [Mansi-Russian and Russian-Mansi dictionary]. Leningrad: Prosveshchenie Publ., 1982. 360 p. (In Mansi, Russian)
12. Saynakhova A. I., Igushev E. A. *Derivacionnye formanty mansijskogo jazyka* [Derivational formants of the Mansi language]. Khanty-Mansiysk: Yugrafika Publ., 2012. 249 p. (In Russian, Mansi)
13. Solovar V. N. *Hantyjsko-russkij slovar' (kazymskij dialekt)* [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN Publ., 2020. 689 p. (In Khanty, Russian)
14. Solovar V. N. *Strukturno-semanticheskie osobennosti obsko-ugorskich glagolov s preverbami iäkha / ъија / akvan* [Structural and semantic features of Ob-Ugric verbs with preverbs jăxa / ъија / akvan]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (1), pp. 104–112. (In Russian)
15. Solovar V. N. *Strukturno-semanticheskie osobennosti obsko-ugorskich glagolov s preverbami johi / jăḣə / juv* [Structural and semantic features of Ob-Ugric verbs with preverbs johi / jăḣə / juv]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (2), pp. 309–318. (In Russian)
16. Fedorkiv L. A. *Funktsional'no-semanticheskaja harakteristika neopredelennogo mestoimeniya mōl'ti v hantyjskom yazyke* [Functional and semantic characteristics of the indefinite pronoun mōl'ti in the Khanty language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (3), pp. 499–509. (In Russian)
17. Fedorkiv L. A. *Funkcional'no-semanticheskaja harakteristika mestoimenija nemajty / namaḣty v hantyjskom jazyke* [Functional and semantic characteristics of the pronoun nemajty / namaḣty in the Khanty language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (4), pp. 707–719. (In Russian)
18. Cheremisina M. I. *O sistemnosti v sfere modeley predlozheniya* [About systematic nature in the sphere of models of a sentence]. *Jazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the Indigenous Peoples of Siberia]. Novosibirsk: NGU Publ., 1995. Vol. 1. pp. 3–21. (In Russian)
19. Shyanova A. A. *Semantika prilagatel'nykh khantyiskogo yazyka, kharakterizuyushchikh zvuk* [Semantics of adjectives of the Khanty language characterizing sound]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (3), pp. 555–563. (In Russian)
20. Shyanova A. A. *Prilagatel'nye, kharakterizuyushchie vodnoe i okolovodnoe prostranstvo v khantyiskom yazyke* [Adjectives characterizing the water and near-water space in the Khanty language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (4), pp. 700–707. (In Russian)
21. Honti L. Das Alter und die Entstehungsweise der “Verbalpräfixe” in uralischen Sprachen (Unter besonderen Berücksichtigung des Ungarischen). Teil 1. *Linguistica Uralica*, 1999, no. 35 (2), pp. 81–97. (In German)
22. Honti L. Das Alter und die Entstehungsweise der “Verbalpräfixe” in uralischen Sprachen (Unter besonderen Berücksichtigung des Ungarischen). Teil 2. *Linguistica Uralica*, 1999, no. 35 (3), pp. 161–176. (In German)
23. Kiefer F. Verbal prefixation in the Ugric languages from a typological-areal perspective. Eliasson S., Jahr E.H. (eds.). *Language and its Ecology: Essays in Memory of Einar Haugen*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. pp. 323–341. (In English)
24. Kiefer F., Honti L. Verbal prefixation in the Uralic languages. *Acta Linguistica Hungarica*, 2003, no. 50 (1–2), pp. 137–153. (In English)
25. Nikolaeva I. A. *Ostyak*. München; Newcastle: Lincom Europa, 1999. 110 p. (In English)
26. Steinitz W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin: [w/p], 1966–1991. 2019 p. (In German)
27. Steinitz W. *Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie*. Berlin: Akademie-Verlag, 1980. Band IV. 497 p. (In German)

28. Virtanen S. Grammaticalized preverbs of aspect and their contribution to expressing transitivity in Eastern Mansi. *Nyelvtudományi Közlemények*, 2014, no. 109, pp. 109–122. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловар Валентина Николаевна, главный научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира 14А), доктор филологических наук.

solovarv@rambler.ru

ORCID.ID 0000-0003-4894-0117

ABOUT THE AUTHOR

Solovar Valentina Nikolaevna, Chief Research, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira St., 14A), Doctor of Philological Sciences.

solovarv@rambler.ru

ORCID.ID 0000-0003-4894-0117